

Н.В. Гоголь и Вальтер Скотт

Толстикова Юлия Игоревна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Теме «Н.В. Гоголь и мировая литература» посвящено немало специальных работ. Однако вопрос о преемственности Н.В. Гоголя и Вальтера Скотта, как правило, остается вне диахронического контекста интерпретации гоголевских текстов: до сих пор нет комплексного исследования этой проблемы.

Цель нашего исследования – поиск типологических, концептуальных и текстуальных сходжений в творчестве Гоголя и В. Скотта, попытка анализа «гоголевской» модели исторического романа сквозь призму «вальтер-скоттовской». Распространенное мнение о минимальном влиянии Скотта на Гоголя требует пересмотра.

Эпоха 1830-х гг. ознаменована повышенным интересом литераторов к национальной истории и культуре. Создатель жанра исторического романа, В. Скотт становится кумиром писателей-романтиков. Современниками влияние «Великого Неизвестного» на автора «Миргорода» ощущалось весьма явственно (замечания А.С. Пушкина, А.Я. Стороженко, В.Г. Белинского, негативные отзывы Н.А. Полевого, Ф.В. Булгарина).

В. Скотт был для Гоголя крупнейшим европейским литератором. Он любил и много читал его еще с нежинской поры. С самого детства писатель загадочно связан с «шотландским чародеем»: сверстники прозвали Гоголя Таинственным Карлой – в честь главного героя романа Скотта «Черный карлик».

Гоголь был хорошо знаком с романами Скотта. Об этом свидетельствуют современники писателя (П.В. Анненков, М.П. Погодин). В частных письмах к друзьям и статьях Гоголь высказывает свое восхищение талантом «шотландского чародея». Становится очевидным, что В. Скотт для Гоголя – выдающийся писатель-историограф своего времени, «коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою» [Гоголь VIII: 160].

В чем же секрет их литературного бессмертия? Реконструируем инвариантную схему скоттовского исторического романа. Фон развития действия – переломный исторический момент противостояния двух культур, религий («Пуритане»), наций («Айвенго», «Обрученные»), стран, быта. Набор персонажей и сюжетных схем ограничен, роман носит формульный характер. В историческом театре Скотта действуют герой-протагонист, его возлюбленная, преданные слуги, комический персонаж, тайный помощник, антигерой и исторический деятель. Набор актантов и хронотоп восходят к античному роману (многоступенчатая система персонажей, двойничество, скитания протагониста). Герой мечется между двумя враждебными лагерями, развитие истории понимается им и повествователем, с которым он сливается, как поиск компромисса и снятие актуальных исторических противоречий. В финале герой обретает возлюбленную.

Сопоставление с исторической повестью «Тарас Бульба» и «Вечерами на хуторе близ Диканьки» выявляет множество структурно-типологических и текстуальных сходств: выбор критической эпохи (война казаков с поляками), примечания в духе Скотта, объясняющие реалии старинного украинского быта («свиткой называется верхняя одежда у малороссиян» [Гоголь II: 279]), образ рассказчика (Рудый Панько), живописность, элементы готической традиции.

Принято считать, что гоголевская повесть «Тарас Бульба» внеисторична, однако это не так. Одновременно с ней Гоголь работает над «Историей Малороссии» (1833). Он отталкивается от традиции «летописного историзма» с ее опорой на факт и историческую конкретность. Руководствуясь «Историей Русов», он переносит в свои произведения общий пафос и исторический колорит. У Гоголя нет скоттовского археологического интереса к истории, категория гоголевского художественного историзма тесно связана с фольклорным началом, это своеобразный «фольклорный историзм» [Казарин: 10]. Но в

повести наблюдается та же игра с читателем в историю, что и в романах Скотта: Тарас Бульба не исторический персонаж, однако читателя не покидает ощущение исторической достоверности. Рассказчик у Гоголя модифицируется в эпического сказителя, дистанцируется от персонажей, хотя генетически восходит к скоттовским повествователям.

Специфика протагониста Скотта – его «пассивность» [Альтшуллер: 17]. Он подчинен обстоятельствам и воле других персонажей (взаимоотношения Квентина Дорварда и Людовика XI). Тарас Бульба активен, его характер статичен. Однако скоттовский протагонист отразился и в гоголевской повести: он раздваивается на образы Остапа и Андрия. Амбивалентная сущность разделяется.

Для Гоголя В. Скотт – «великий деэписатель сердца, природы и жизни» [Гоголь VIII: 171], это витальное начало скоттовского романа привлекает его прежде всего, именно в нем состоит главное сходство гоголевской и скоттовской исторических моделей.

Гоголь и В. Скотт вошли в мировую литературу не как поэты, однако представляется интересным проанализировать исследуемую проблему сквозь призму теории преемственности Хэрлда Блума, высказанной в его книге «Страх влияния»: развитие поэзии трактуется в духе психоанализа Фрейда как шестифазная «борьба» поэтов со своими предшественниками [Блум: 18]. Нами была выдвинута гипотеза о том, что Гоголь остановился на пятой стадии – аскесисе.

Таким образом, в работе предпринята попытка проследить преемственность гоголевской модели исторического романа от романов Вальтера Скотта и показать, каким образом модифицируется скоттовский романский канон в творчестве Н.В. Гоголя. Кроме того, мы предложили парадигму адекватной интерпретации исторической повести Гоголя «Тарас Бульба».

Литература

Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996.

Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 2, 8.

Казарин В.П. Эволюция исторической прозы Н.В. Гоголя (к истории создания повести «Тарас Бульба»). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978.